

УДК 371.124(091)(470.5)
ББК 4403(235.55)6-4

DOI 10.26170/po19-04-01
ГРНТИ 14.09.25

Код ВАК 13.00.01

Протасова Эльвира Евгеньевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Институт общественных наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 452; e-mail: protasova.elvira62@mail.ru

Суворов Максим Викторович,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: mvs-19771@yandex.ru

СТАЛИНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УРАЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: всеобщ; учителя; колхозы; индустриализация; коллективизация; голод; материально-правовое положение; сталинская эпоха; общеобразовательные учебные заведения.

АННОТАЦИЯ. В статье освещены вопросы социального статуса и реальных условий труда и быта учительства Урала в первой половине 1930-х гг. в условиях сплошной коллективизации. Особое место занимает проблема сравнения декларативного и фактического положения работников деревенской школы. Авторы приходят к выводу о том, что решить проблему социальной защищенности, улучшить материальное положение учительства лишь административно-командными методами в начале 1930-х гг. было невозможно. В условиях нехватки бюджетных средств государство пыталось переложить расходы по обеспечению материального положения учителей в сельской местности на колхозы, общественные организации, на органы потребкооперации в городах, обязывая их руководителей выделить средства, без учета существующих материальных возможностей. Конечно, положительное значение имело повышение заработной платы учителям, попытки создания премиальных фондов для учителей — эти меры стимулировали их работу. Однако кардинально улучшить их положение не удалось. Нет оснований утверждать о социальной защищенности сельского учителя на Урале в начале 1930-х гг., хотя меры по улучшению материально-правового положения учащихся со стороны партийно-советского руководства принимались.

В работе затрагиваются вопросы и материального положения городских учителей уральского края. Исследователи приходят к выводу о том, что типичными для всего уральского региона были задержки выплаты заработной платы и нехватка жилья. Прикрепление городских просвещенцев к специальным закрытым распределителям для снабжения продуктами питания, на первый взгляд, должно было облегчить их существование, однако в большинстве случаев воспользоваться этими «льготами» учащие не могли, так как цены на продукты питания в них были выше, чем в частной торговле.

Protasova El'vira Evgen'evna,

Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Suvorov Maksim Viktorovich,

Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

THE STALIN MODERNIZATION AND THE MATERIAL AND LEGAL STATUS OF THE URAL TEACHING IN THE FIRST HALF OF THE 1930S

KEYWORDS: general education; teachers; collective farms; industrialization; collectivization; hunger; material and legal status; Stalin era; general educational institutions.

ABSTRACT. The article consider the issues of social status and real working and living conditions of the Urals in the first half of the 1930s in the conditions of complete collectivization. Problem of comparing the declarative and actual situation of the village school workers is important. The authors come to the conclusion that to solve the problem of social security, to improve the material status of teachers only by administrative and command methods in the early 1930s was impossible. In the conditions of a budget deficit, the state tried to shift the costs of ensuring the material situation of teachers in rural areas to collective farms, public organizations, and consumer co-operation bodies in the cities, obliging their leaders to allocate funds, without taking into account the existing financial possibilities. Of course, a positive significance was the increase in wages to teachers, attempts to create bonus funds for teachers — these measures stimulated their work. However, this situation could not be drastically improved. There is no reason to assert that the rural teacher in the Urals was socially protected in the early 1930s, although measures were taken to improve the material and legal status of pupils on the part of the party-Soviet leadership.

The article addresses the issues and the material situation of urban teachers in the Urals region. Researchers conclude that delays in salary payments and housing shortages were typical for the entire Urals region. Attaching urban educators to special closed distributors for food supply, at first glance, should have facilitated their existence, but in most cases they did not take advantage of these “benefits”, because food prices in them were higher than in private trade.

Рубеж 1920-1930-х гг. вошел в историю Советского Союза как период «великого перелома» в хозяйственной и общественно-политической жизни страны. Программа индустриализации и создания колхозно-совхозной системы требовали формирования квалифицированной рабочей силы для промышленности и сельского хозяйства в короткие сроки. Поэтому введение всеобщего обязательного начального образования в стране, где преобладало неграмотное население, являлось задачей первоочередной важности. А учитель — центральной фигурой культурной революции.

Форсированные темпы сталинской модернизации оказали огромное влияние на материальное положение каждого советского человека. Страшной катастрофой для всего советского народа стал голод 1932-1933 гг., который был следствием сплошной коллективизации. Советские учителя оказались такими же жертвами голода, как и остальные категории населения. Вопрос о материальном положении и социально-правовой защищенности уральских учителей в первой половине 1930-х гг. является важным и на сегодняшний день недостаточно освещенным.

В работах уральских исследователей П. В. Гришанова, В. Г. Чуфарова [13; 14; 38], посвященных истории народного образования в советский период, вопрос о социальной защищенности уральских учителей в 1930-е гг. как самостоятельная проблема не рассматривался. Данные работы были написаны в историко-партийном ключе, в них, в основном, освещались факты, свидетельствующие о достижениях в политике партии и государства, направленных на осуществление всеобщего, ни один из названных авторов не уделил внимание проблемам материально-правового положения учительства.

В последнее время интерес современных исследователей к данной теме заметно возрос в связи с сохранившейся своей остротой темой социальной защищенности современного учительства. В прессе и в Интернете идут дискуссии по вопросам правового и материального положения учителей [33]. Их участники обратили внимание на расхождение между официальными правительственными заявлениями о повышении заработной платы работников образования и реальными размерами зарплат молодых учителей.

Появились работы современных российских и иностранных историков, написанные на всесоюзном материале, в которых дается оценка документальной базы по данной проблеме периода 1930-х гг. Интересны в этом отношении работы А. М. Жу-

равлева, С. Б. Глушаченко [21; 22]. Нельзя не отметить исследование американского историка Е. Т. Юинга [39], исследования Е. П. Ерохиной (на материалах Мордовии) [17], монографию Н. А. Беловой (на материалах Костромской области) [7], учебное пособие Л. Н. Мартюшева [24]. В этих работах с разной степенью изученности даются анализ и оценка материально-правового положения учительства в 1930-х гг.

В работах советских исследователей тема голода 1932-1933 гг. как последствие сплошной коллективизации замалчивалась. Открытие архивов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и других источников, характеризующих эту проблему [9; 10; 15; 16; 18; 19; 20; 25; 26], позволило начать изучение переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг. В современный период дискуссия о последствиях голода начала 1930-х гг. приняла еще более серьезный характер в связи с обсуждением темы голодомора, муслируемой украинскими «историками». Большинство исследователей считают, что голод имел организованный, инициированный и всеобщий характер, что в результате повлекло катастрофическое снижение жизненного уровня населения, заболевания, вызванные истощением, распространение эпидемий, сокращение рождаемости и высокую смертность людей, изменения демографической ситуации по всей стране, в том числе в Уральском регионе [1; 27]. Проблемы голода и продовольственной безопасности в 1930-е гг. на Урале глубоко изучены уральскими учеными Е. Ю. Барановым, Г. Е. Корниловым, А. А. Раковым, А. И. Ажигуловой [3; 4; 5; 6; 7; 32].

Однако вопрос о влиянии голода 1932-1933 гг. на повседневную жизнь уральского учителя, его профессиональную деятельность остается фактически не освещенным. Насколько государство способно было в первой половине 1930-х гг. оградить «просвещенцев» от продовольственных трудностей, взять на себя ответственность за материальную сторону учительской профессии?

Хронологические рамки статьи охватывают первую половину 1930-х гг., так как в условиях введения всеобщего обязательного начального образования в 1930 г. и осуществления политики индустриализации и коллективизации существенно изменилось отношение государства к учителю. Учитель оказался втянутым в эти процессы и воспринимался как проводник политики правящей партии во всех государственных социально-экономических инициативах.

Свое исследование авторы проводили в масштабах существовавшей с 1923 по 1934 гг. Уральской области, которая в рас-

сма­три­вае­мый пе­ри­од вклю­ча­ла со­вре­мен­ные Свердловскую, Челябинскую, Курганскую, Тюменскую области Уральского федерального округа и, частично, территории Пермского края, Башкирской и Удмуртской республик.

Цель данной работы — определить степень государственной материально-правовой поддержки уральского учительства и ее реальное осуществление на местах в первые годы введения всеобщего, в условиях сплошной коллективизации и голода 1932-1933 гг.

В июле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении» [29, с. 131] и призвал рассматривать его введение как важнейшую политическую задачу на весь ближайший период. Введение всеобщего осуществлялось форсированными темпами, без достаточной материальной базы. Надо отдать должное, что государство рассматривало улучшение материально-правового положения учительства в качестве необходимого компонента проведения этого широкомасштабного мероприятия, но возлагало эту миссию на местные органы власти. Однако в провинции эти возможности были весьма ограниченными. На протяжении 1930 г. со стороны центральных партийно-государственных органов в регионы были направлены директивы и постановления, содержащие требования улучшить материально-правовое положение учителя. Так, в постановлении СНК РСФСР от 3 августа 1930 г. было предложено: «... приступить к проведению необходимых мероприятий, обеспечивающих выполнение всех принятых правительством решений о правовом и материальном положении просвещенцев, срочно принять меры по прекращению и исправлению фактов нарушений директив по материально-правовому положению просвещенцев» [30, № 44, с. 497].

Все областные исполкомы должны были срочно ликвидировать имевшиеся задолженности государства по заработной плате. Наркомат торговли РСФСР был обязан приравнять учителей и членов их семей к промышленным рабочим по категории снабжения продуктами питания и промышленными товарами с начала нового учебного года. Наркомату финансов РСФСР было рекомендовано при составлении бюджета на 1930-1931 хозяйственный год рассмотреть вопрос о повышении ставок заработной платы работникам образования. Колхозцентру было поручено срочно урегулировать вопросы строгого соблюдения порядка отчислений от заработка учителей-колхозников и их участия в распределении доходов колхоза. В этом же постановлении было предложено областным и краевым

комитетам урегулировать выполнение общественной нагрузки работниками просвещения с тем, чтобы она выполнялась не в ущерб основным обязанностям [29, № 44, с. 497]. На первый взгляд, советское руководство подготовило основательную правовую платформу для материальной поддержки учительства уже в первые годы реализации программы всеобщего.

Надо отметить, что особенностью уральского региона являлся факт некоторого опережения местными органами власти правительственных директив по улучшению материально-правового положения учительства. Постановление президиума Областного исполнительного комитета от 18 мая 1930 г. содержало требование: «Принять все меры к созданию необходимой обстановки в работе учительства, пресекать все случаи ухудшения материально-правового положения учительства» [29, № 28-29, с. 357]. Тогда же было принято решение о повышении с нового бюджетного года зарплаты для учителей первой ступени, работавших в начальной школе не менее чем на 25% [29, № 41, с. 463]. Это были важные правительственные решения, но ответственность за их выполнение возлагалась на местных руководителей, а возможностей для их реализации не было.

Выполнение правительственной программы по введению всеобщего обязательного начального обучения потребовало огромной армии просвещенцев. Учителей не хватало. Дефицит учительских кадров стал восполняться методами перераспределения трудовых ресурсов. Со стороны правительства была выдвинута инициатива по откомандированию на педагогическую работу учителей, которые до этого работали не по специальности [29, № 54, с. 689]. Однако, несмотря на административный характер инициативы, правительство пыталось «сгладить» эти методы. За лицами, переведенными на педагогическую работу, была сохранена заработная плата, которую они получали на предыдущем месте работы [29, № 54, с. 689].

Уральский обком ВКП(б) 1 сентября 1930 г. принял постановление «О ходе подготовки к введению всеобщего обязательного начального обучения в области», в котором был решен вопрос о создании особого премиального фонда для тех учителей сельских школ, которые добились значительных успехов в проведении всеобщего. Формы премирования были различными: научные командировки, санаторно-курортное лечение, путевки в дома отдыха, стипендия для продолжения учебы [37, л. 68].

Складывается впечатление, что уже в начале 1930-х гг. учителя получили мощ-

ную защиту со стороны государства в области материально-правового обеспечения. Имеющиеся ныне в научном обороте источники опровергают данный тезис. Положение учителей было крайне тяжелым. Постановления и Решения СНК и ЦК ВКП(б) в условиях крайних материальных трудностей начала 1930-х гг. выполнить местные власти просто не могли.

Введение всеобщего начального обучения совпало по времени с проведением сплошной коллективизации. Учителя в сельской местности оказались ее непосредственными участниками. Как правило, материальное положение учителя после вступления в колхоз было гораздо худшим, чем крестьянина-колхозника. Очень часто в одном и том же округе были разные условия вступления в колхоз крестьян и учителей. С учителей взимался слишком большой процент отчислений, доходивший до половины зарплаты и выше, а иногда поглощавший весь заработок. В Шадринском округе по колхозам и коммунальным взносы составили от 10 до 80% [31, № 3-4, с. 157]. То есть происходило обобществление заработков работников просвещения. Были колхозы, где вся зарплата учителей была отчислена в колхозную кассу, а так как сами колхозы находились еще в стадии организации, то полного продовольственного снабжения учителю они дать не могли. В журнале «Просвещение на Урале» в 1930 г. был приведен случай бедственного положения учителя, который часто «сидит на одном хлебе и воде, и не на что даже починить обувь» [там же]. Подобная ситуация была не редкостью (в Ирбитском, Тюменском и др. районах края) [там же].

Регулярными были случаи откровенного посягательства на условия работы и льготы, законодательно закрепленные за учителями (продолжительность отпусков, нормы рабочего времени и т.д.) со стороны колхозов. В Шадринском районе в коммуне им. С. М. Бубнова учителям не позволили использовать отпуска, продолжительность рабочего дня была установлена наравне с колхозниками, то есть 10 часов [там же, с. 158]. Сельский учитель, как член колхоза, был «задавлен» общественной работой, порой имея до 7-8 общественных нагрузок, вплоть до заведования колхозной сберегательной кассой. В Шадринском районе при обследовании ряда школ УралОНО было выявлено, что учительница Кизилбайской школы помимо заведования школой имела следующие общественные нагрузки: председатель ревизионной комиссии коммуны, председатель лавочной комиссии, председатель примирительной камеры, член Бюро ОСО, секретарь ячейки СБВ, воспитатель — обследователь опекаемых детей-сирот,

«ликвидатор неграмотности» (на 40 человек) и др. поручения [там же, с. 159]. Выполнять свои профессиональные обязанности в таком режиме общественных поручений у учительницы просто не было времени.

На протяжении первой половины 1930 г. вопрос о материально-правовом положении сельского учителя неоднократно был поднят на уровне областных органов власти. Но, как правило, местные руководители недооценивали значимость социальных вопросов. Выявились огромное количество фактов, говоривших о бюрократическом, а часто и издевательском отношении к учителям: нарушения в своевременном снабжении учителей продуктами питания, выдаче заработной платы, обеспечении квартирами. В Макушинском и Чащинском районах Курганского округа учителям кроме 6,5 кг муки не выдавали никаких продуктов [31, № 6, с. 157].

Случаи «голодного» существования учителей отмечались во всех районах Урала, но особенно документы демонстрируют бедственное положение учителей на Южном Урале. В Половинском, Лебяжьевском и Белозерском районах Курганского округа учителя голодали [там же]. Официально голод властями не признавался. Однако документы свидетельствуют, что такая же ситуация сложилась в Миньярском районе Златоустовского округа, в Петуховском, Ламенском и Жиликовском районах Ишимского округа [там же]. Учителя Оханского района были вынуждены ездить в районный центр за 100 км, чтобы получить полагающийся им паек. В Куртамышском районе Курганского округа заработная плата учителей была задержана на три месяца [там же].

Большинство историков считают, что голод во многом был обусловлен политическими просчетами партийно-советского руководства — И. Сталина и его окружения — при осуществлении модернизации, так как каких-либо природно-климатических катаклизмов (засуха и др.) в эти годы не наблюдалось. Было установлено, что в 1931-1933 гг. должен быть получен вполне достаточный урожай, чтобы не достигнуть массового голода [27]. Однако сплошная коллективизация, вывоз хлеба за рубеж привели к невосполнимым последствиям. Уральский историк А. И. Ажигулова приходит к выводу, что на Южном Урале наиболее высокий процент смертности наблюдался как раз в сельской местности, где проблемы с обеспечением населения продовольствием начались еще в конце 1920-х гг., а продолжались и после 1934 г. [1].

Недоедание, болезни, эпидемии, преж-

девременная смерть — вот последствия этих просчетов. Голод 1932-1933 гг. отразился не только на людях, живших в 1930-е гг., но и на последующих поколениях советских граждан, став причиной повышенной смертности детей и демографических изменений.

Тяжелые социально-экономические условия начала 1930-х гг. обусловили тот факт, что многие местные руководители не имели возможности, а иногда и желания оказывать материальную поддержку сельским учителям. Так, в Нижнетагильском округе учительница Шипицынской школы обратилась к члену Махневского сельского совета Анисимову с просьбой выдать зарплату, но вместо денег получила ответ: «Теперь проходит индустриализация страны, деньги нужны государству, а потому учительницы могут ходить голодными» [31, № 6, с. 21]. В Краснополяном районе Ирбитского округа учителей-комсомольцев заставили караулить ночью амбары с семенными фондами. В Троицком округе председатель Андреевского сельсовета Армаев «мобилизовал двух учительниц на три ночи разбирать архив» [там же, с. 24].

Несмотря на постановление СНК РСФСР о переводе учителей на рабочее снабжение, во многих районах потребовалось вмешательство прокуратуры для его реализации, так как местные органы власти отнеслись к нему как к простой формальности [31, № 10, с. 28]. Можно сколько угодно обвинять местные органы власти в невыполнении решений правительства, но ни заведующие районо, ни суды помочь не могли, если в сельсовете не было денег.

Итогом такой практики, имевшей широкое распространение на местах, стало бегство учителей из села. Текучка кадров становится настоящим бедствием. Только в 1930 г. в Нытве заявление об уходе подали 20 учителей (из 50-ти); в Ильском районе — 23; в Чащинском Курганского округа — 13; в Арамилском районе — 40 учителей и т.д. [32, № 6, с. 22]. В 1931 г. в ряде районов области по выборочным данным (Чудиново, Армизон, Щучье и др.) уволилось до 70% учителей [28, № 7, с. 19]. В то же время уход учителей с мест работы квалифицировался партийными органами как дезертирство, безответственное отношение к своим профессиональным обязанностям и даже «шкурничество» [28, № 7, с. 19].

Вовлечение учителей в колхозы и насильственные методы проведения сплошной коллективизации отрицательно отразились на правовом и материальном положении педагогов. В местных журналах «Культфронт Урала» и «Просвещение на Урале» проблемы ущемления прав и инте-

ресов учительства были широко обсуждены и подвергнуты резкой критике. Со стороны областных органов власти были выдвинуты требования к представителям районных администраций «прекратить практику невыполнения и искажения директив партии о материально-бытовом обеспечении учителей» [30, № 45-46, с. 545]. Уралснаботделу, Уралоно и ОблФо предлагалось установить наблюдение за выполнением этих постановлений и привлекать к ответственности виновных. За нарушение директивы о материальном обеспечении учительства администрации Сарапульского, Курганского, Кушвинского, Нижне-Сергинского райисполкомов были объявлены выговоры. Попытка частично скорректировать проблемы была сделана на III Пленуме Уралоблисполкома VIII созыва, проходившем 25-27 марта 1932 г. решением о повышении заработной платы основным группам культурных работников (в том числе и сельским учителям) на 20% [30, № 18, с. 231].

Коллективизация на Урале была в основном завершена к концу 1932 г. Уровень материального положения учительства в эти годы был крайне низким. Несмотря на то что государство стремилось упорядочить снабжение сельских учителей продуктами питания и промышленными товарами, местных ресурсов не хватило для улучшения условий их проживания. Вышестоящие инстанции попытались исправить ситуацию через систему наказаний чиновников: партийные взыскания, выговоры, даже привлечение к судебной ответственности местных руководителей, но наладить материально-бытовое положение учителя вначале 1930-х гг. так и не удалось.

Если сравнить положение сельских и городских учителей в начале 1930-х гг., то можно отметить, что положение городских учителей было немного лучше, так как они часто прикреплялись к специальным закрытым распределителям для снабжения продуктами питания [23, № 4, с. 17]. В 1933 г. распределители были открыты в 27 пунктах области [23, № 2, с. 8]. Снабжающие организации при составлении месячных планов должны были обязательно предусмотреть выделение для учительства специальных фондов по хлебу, сахару и промышленных товаров. В Челябинске, Троицке были открыты столовые для учителей [там же, с. 9], но фактически для массового педагога столовая являлась недоступной, так как цены там были очень высокие. Наблюдались и попытки мошенников нажиться за счет учителей, так, например, в буфете столовой килограмм хлеба был на 2-3 руб. дороже, чем на рынке, а молоко на 30-40% [23, № 2, с. 9].

В городе, как и в сельской местности,

задерживали выплату заработной платы. Однако в 1933 г. Свердловский городской Совет предложил ввести финансовые репрессии в отношении тех районных органов власти, которые допустили задолженности по зарплате. Их счета были арестованы, расходование средств было разрешено только для выплаты зарплаты [23, № 2, с. 9]. Но и эти меры не помогали, и большинство учителей по-прежнему не получали заработную плату своевременно.

В 1930-е гг. в связи с форсированной индустриализацией страны произошло значительное увеличение городского населения, в том числе и на Урале. Нехватка жилой площади так или иначе затрагивала большинство городских жителей, в том числе и учителей. Причем острота ее особенно ощущалась в крупных промышленных центрах области.

Как отмечается в источнике, в городах, например, в Нижнем Тагиле, Березниках, Златоусте, Свердловске «...учителя живут в классах, спят на партах, спят в учительской или ходят перекочевывая по очереди к товарищам» [34, л. 48-49]. В документе «Материалы к конъюнктурному обзору Свердловской области за 1935 г.» говорится о том, что «за последние годы регулярно отпускались значительные средства на строительство жилых домов для учителей в крупнейших городах области. Однако до сих пор не выстроены ни один из этих домов» [13, л. 1].

В Свердловске на 16 сентября 1934 г. нуждавшихся в квартирах было 205 человек, из них остро нуждавшихся в жилье — 86 человек, живших в подвалах — 10 человек, ночевавших на станции — три человека, в школьных комнатах — 25 человек, в банях — два человека, у знакомых поочередно — 22 человека, по частным углам — три человека, в землянках — один человек.

В Перми не имели квартир 41 педагог, и 31 учитель нуждался в немедленном улучшении жилищных условий [36, л. 62]. Примерно такое же положение можно было наблюдать в Ворошиловском, Кизеловском, Нижнетагильском и других районах области. Например, в информационной сводке о состоянии народного образования Магнитогорского района Уральской области читаем: «с обеспечением квартирами педагогов надо признать положение неудовлетворительным. 30 человек живет в общих бараках. До 10 человек живут при школах — в классах» [12, л. 1].

Советские органы местного самоуправления на Урале пытались решить проблему нехватки жилья школьных работников. Для оказания помощи учителям в приобретении жилья Уральский Облисполком в своем постановлении от 8 декабря 1933 г. принял

решение выделять кредиты на жилищное строительство для педагогов. Их общая сумма составила 790 тысяч рублей, однако согласно данным Свердловского Облпроса, строительство квартир было «преступно сорвано» [35, л. 43]. Горсоветы считали работу по строительству квартир для учителей второстепенной и «не приступали фактически к строительству зданий» [11, л. 6].

Таким образом, решить проблему социальной защищенности, улучшить материальное положение учителей лишь административно-командными методами в начале 1930-х гг. было невозможно. В условиях нехватки бюджетных средств государство пыталось переложить расходы по обеспечению материального положения учителей в сельской местности на колхозы, общественные организации, на органы потребкооперации в городах, обязывая их руководителей выделять средства, без учета материальных возможностей. Тем самым как бы заставляя гарантировать получение продуктов питания школьными работниками и денежные выплаты учителям. Постановления, решения, директивы СНК и ЦК ВКП(б) и другие правительственные акты демонстрируют, что на уровне «центра» государство пыталось «материально заинтересовать» учителей продвигать новую культуру и систему советских ценностей, убеждая их, что виновны в их материальной необеспеченности местные руководители, а решения ВКП(б) и СНК направлены на недопущение снижения жизненного уровня учителей.

Нельзя не отметить, что повышение заработной платы учителям в 1930-е гг. происходило дважды (в 1932 и 1936 гг.), а также были попытки создания премиальных фондов для учителей, и эти меры стимулировали их работу. Однако кардинально улучшить их положение не удалось. В целом, реальные факты свидетельствуют, что только обещаниями, требованиями, угрозами обеспечить приемлемые условия жизни учителям было невозможно. Нет оснований говорить о социальной защищенности сельского учителя на Урале в начале 1930-х гг., хотя меры со стороны партийно-советского руководства принимались.

Не лучшим образом обстояло дело и с материальным положением городских учителей. Типичными для всего уральского региона были задержки выплаты заработной платы, нехватка жилья. Прикрепление городских просвещенцев к специальным закрытым распределителям для снабжения продуктами питания, на первый взгляд, должно было облегчить их существование, однако в большинстве случаев воспользоваться этими «льготами» учителя не могли, так как цены на продукты питания в них

были выше, чем в частной торговле.

Сжатые сроки проведения кампании по введению обязательного начального обучения и одновременное осуществление сплошной коллективизации отразились и

на методах. В этой ситуации использование административного ресурса со стороны властей можно квалифицировать как попытку компенсировать отсутствие необходимых финансово-материальных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажигулова А. И. Голод 1932-1933 гг. на Южном Урале как один из факторов изменения численности населения // Демографическая модернизация России. 1900-2000. — М., 2006.
2. Ажигулова А. И. Голод 1932-1933 гг. на Южном Урале как один из факторов изменения численности населения // Демографическая модернизация России, 1900-2000. — М., 2006.
3. Баранов Е. Ю. Воспроизводство населения Урала в условиях голода начала 1930-х годов // Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы. — Екатеринбург, 2010. — Ч. 2. — С. 147-150.
4. Баранов Е. Ю. Годовые таблицы статистических данных о естественном движении населения СССР в 1920-1930 гг.: оценка информативного потенциала исторического источника (на материалах Урала) // Российская деревня в XVII-XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. — Оренбург: ОГАУ, 2014. — С. 20-26.
5. Баранов Е. Ю. Голод начала 1930-х гг. на Урале: факторы, индикаторы, последствия // История сталинизма: крестьянство и власть: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 29 сентября — 2 октября 2010 г.). — М., 2011. — С. 206-213.
6. Баранов Е. Ю. Симптомы и масштабы голода начала 1930-х годов в Уральской области // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII-XX веках: сб. ст. — Оренбург, 2006. — С. 163-167.
7. Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В. А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928-1934 гг. — М., 2009.
8. Белова Н. А. Повседневная жизнь учителей. — М., 2015. — 228 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. — М., 1991.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. — М., 1992.
11. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). — Ф. Р—268. — Оп. 1. — Д. 1279.
12. ГАСО. — Ф. Р—268. — Оп. 1. — Д. 1360.
13. Гришанов П. В. Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по осуществлению всеобщего обязательного обучения в годы строительства социализма. — Свердловск, 1979.
14. Гришанов П. В. Формирование системы советской общеобразовательной школы в 1926-1932 гг. в свете ленинских указаний о единой трудовой школе // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. — Свердловск, 1970.
15. Данилов В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и «демографической катастрофе» 30-40-х годов в СССР // Вопросы истории. — 1988. — № 3. — С. 116-121.
16. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927-1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Иваницкого. — М., 1989. — С. 526.
17. Ерохина Е. П. «Работа учителя трудна и почетна»: уровень нагрузки и оплаты труда советского учителя в 1930-е гг. (по материалам Мордовии) [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского — 2016. — № 16. — С. 18-22. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-uchitelya-trudna-i-pochyotna-uroven-nagruzki-i-oplaty-truda-sovetskogo-uchitelya-v-1930-e-gg-po-materialam-mordovii> (дата обращения: 16.04.2018).
18. Жиромская В. Б. Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как исторический источник) // Россия в XX веке: Историки спорят. — М., 1994. — С. 385-396.
19. Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. — М., 1996. — С. 469-477.
20. Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. — 1990. — № 3. — С. 84-104.
21. Журавлев А. М. Сельское учительство и власть в условиях коллективизации деревни в 1927-1932 гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2008. — № 3. — С. 44-46.
22. Журавлев А. М., Глушаченко С. Б. Партийно-государственное руководство общественной деятельностью сельского учительства в период колхозного строительства в СССР (1927-1932 гг.) // История государства и права: научно-правовое издание. — 2008. — № 17. — С. 26-29.
23. Известия Уралоблисполкома. — 1933.
24. История образования в России и на Урале [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Л. Н. Мартюшов, М. В. Суворов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017.
25. Исупов В. А. Игра без правил: переписи населения СССР в 30-е годы // Советская история: проблемы и уроки. — Новосибирск, 1992. — С. 149-167.
26. Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932-1933 гг. на Украине // Голод 1932-1933 годов. — М., 1995.
27. Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. — М.: РОССПЭН, 2008.
28. Культфронт Урала. — 1931
29. Народное образование в СССР: сб. документов. — М., 1974
30. Официальный сборник важнейших законов правительства и распоряжений Уралоблисполкома. — Свердловск, 1930, 1932
31. Просвещение на Урале. — 1930
32. Раков А. А. «Деревню опустошают»: сталинская коллективизация и раскулачивание» на Урале в

1930-х годах. — М., 2013. — 327 с.

33. Фатхуллина Н. Лучше работать на стройке или дворником. Почему молодежь не идет в учителя? [Электронный ресурс] / PROUFU.ru 18+. — 21.03.2018 г. — Режим доступа: https://proufu.ru/news/society/luchshe_rabotat_na_stroyke_ili_dvornikom_pochemu_molodezh_ne_idet_v_uchitelya (дата обращения: 14.04.2018).

34. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 13. — Д. 433

35. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 12. — Д. 223

36. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 9. — Д. 1068

37. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). — Ф. 4. — Оп. 8. — Д. 27.

38. Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920-1937). — Свердловск, 1970.

39. Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. — М. : Рос. пол-лит. энциклопедия, 2011.

REFERENCES

1. Azhigulova A. I. Golod 1932-1933 gg. na Yuzhnom Urale kak odin iz faktorov izmeneniya chislennosti naseleniya // Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000. — М., 2006.
2. Azhigulova A. I. Golod 1932-1933 gg. na Yuzhnom Urale kak odin iz faktorov izmeneniya chislennosti naseleniya // Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000. — М., 2006.
3. Baranov E. Yu. Vosproizvodstvo naseleniya Urala v usloviyakh goloda nachala 1930-kh godov // Demograficheskaya politika v regione: problemy i perspektivy. — Ekaterinburg, 2010. — Ch. 2. — S. 147-150.
4. Baranov E. Yu. Godovye tablitsy statisticheskikh dannykh o estestvennom dvizhenii naseleniya SSSR v 1920-1930 gg.: otsenka informativnogo potentsiala istoricheskogo istochnika (na materialakh Urala) // Rossiyskaya derevnya v XVII-XXI vekakh: sotsiokul'turnoe izmerenie : sb. statey IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / nauch. red. G. E. Kornilov, V. A. Labuzov. — Orenburg : OGAU, 2014. — S. 20-26.
5. Baranov E. Yu. Golod nachala 1930-kh gg. na Urale: faktory, indikatory, posledstviya // Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast' : mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (g. Ekaterinburg, 29 sentyabrya — 2 oktyabrya 2010 g.). — М., 2011. — S. 206-213.
6. Baranov E. Yu. Simptomy i masshtaby goloda nachala 1930-kh godov v Ural'skoy oblasti // Agrarnoe razvitie i prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v XVIII-XX vekakh : sb. st. — Orenburg, 2006. — S. 163-167.
7. Baranov E. Yu., Kornilov G. E., Labuzov V. A. Agrarnoe razvitie i prodovol'stvennoe obespechenie naseleniya Urala. 1928-1934 gg. — М., 2009.
8. Belova N. A. Povsednevnaya zhizn' uchiteley. — М., 2015. — 228 s.
9. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Kratkie itogi. — М., 1991.
10. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi. — М., 1992.
11. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (dalee GASO). — F. R—268. — Op. 1. — D. 1279.
12. GASO. — F. R—268. — Op. 1. — D. 1360.
13. Grishanov P. V. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Urala i Zapadnoy Sibiri po osushchestvleniyu vseobshchego obyazatel'nogo obucheniya v gody stroitel'stva sotsializma. — Sverdlovsk, 1979.
14. Grishanov P. V. Formirovanie sistemy sovetskoy obshcheobrazovatel'noy shkoly v 1926-1932 gg. v svete leninskikh ukazaniy o edinoy trudovoy shkole // V. I. Lenin i sotsial'no-ekonomicheskie problemy razvitiya Urala. — Sverdlovsk, 1970.
15. Danilov V. P. Diskussiya v zapadnoy presse o golode 1932-1933 gg. i «demograficheskoy katastrofe» 30-40-kh godov v SSSR // Voprosy istorii. — 1988. — № 3. — S. 116-121.
16. Dokumenty svidetel'stvuyut: Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii, 1927-1932 gg. / pod red. V. P. Danilova, N. A. Ivanitskogo. — М., 1989. — S. 526.
17. Erokhina E. P. «Rabota uchitelya trudna i pochetna»: uroven' nagruzki i oplaty truda sovetskogo uchitelya v 1930-e gg. (po materialam Mordovii) [Elektronnyy resurs] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo — 2016. — № 16. — S. 18-22. — Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-uchitelya-trudna-i-pochyotna-uroven-nagruzki-i-oplaty-truda-sovetskogo-uchitelya-v-1930-e-gg-po-materialam-mordovii> (data obrashcheniya: 16.04.2018).
18. Zhiromskaya V. B. Vozvrashchennyye tsifry (Vsesoyuznye perepisi naseleniya 30-kh godov kak istoricheskii istochnik) // Rossiya v XX veke: Istoriki sporyat. — М., 1994. — S. 385-396.
19. Zhiromskaya V. B. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g. v istoriografii: otsenka dostovernosti // Rossiya v XX veke: Sud'by istoricheskoy nauki. — М., 1996. — S. 469-477.
20. Zhiromskaya V. B. Vsesoyuznye perepisi naseleniya 1926, 1937, 1939 godov. Istoriya podgotovki i provedeniya // Istoriya SSSR. — 1990. — № 3. — S. 84-104.
21. Zhuravlev A. M. Sel'skoe uchitel'stvo i vlast' v usloviyakh kollektivizatsii derevni v 1927-1932 gg. // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. — 2008. — № 3. — S. 44-46.
22. Zhuravlev A. M., Glushachenko S. B. Partiyno-gosudarstvennoe rukovodstvo obshchestvennoy deyatel'nost'yu sel'skogo uchitel'stva v period kolkhoznogo stroitel'stva v SSSR (1927-1932 gg.) // Istoriya gosudarstva i prava : nauchno-pravovoe izdanie. — 2008. — № 17. — S. 26-29.
23. Izvestiya Uraloblispolkoma. — 1933.
24. Istoriya obrazovaniya v Rossii i na Urale [Elektronnyy resurs] : ucheb. posobie / L. N. Martyushov, M. V. Suvorov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2017.
25. Isupov V. A. Igra bez pravil: perepisi naseleniya SSSR v 30-e gody // Sovetskaya istoriya: problemy i uroki. — Novosibirsk, 1992. — S. 149-167.
26. Itogovyy otchet mezhdunarodnoy komissii po rassledovaniyu goloda 1932-1933 gg. na Ukraine // Golod 1932-1933 godov. — М., 1995.

27. Kondrashin V. V. Golod 1932-1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni. — M. : ROSSPEN, 2008.
28. Kul'tfront Urala. — 1931
29. Narodnoe obrazovanie v SSSR : sb. dokumentov. — M., 1974
30. Ofitsial'nyy sbornik vazhneyshikh zakonov pravitel'stva i rasporyazheniy Uraloblispolkoma. — Sverdlovsk, 1930, 1932
31. Prosveshchenie na Urale. — 1930
32. Rakov A. A. «Derevnyu opustoshayut»: stalinskaya kollektivizatsiya i raskulachivanie» na Urale v 1930-kh godakh. — M., 2013. — 327 s.
33. Fatkhullina N. Luchshe rabotat' na stroyke ili dvornikom. Pochemu molodezh' ne idet v uchitelya? [Elektronnyy resurs] / PROUFU.ru 18+. — 21.03.2018 g. — Rezhim dostupa: https://proufu.ru/news/society/luchshe_rabotat_na_stroyke_ili_dvornikom_pochemu_molodezh_ne_idet_v_uchitelya (data obrashcheniya: 14.04.2018).
34. TsDOOSO. — F. 4. — Op. 13. — D. 433
35. TsDOOSO. — F. 4. — Op. 12. — D. 223
36. TsDOOSO. — F. 4. — Op. 9. — D. 1068
37. Tsentri dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (dalee TsDOOSO). — F. 4. — Op. 8. — D. 27.
38. Chufarov V. G. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Urala po osushchestvleniyu kul'turnoy revolyutsii (1920-1937). — Sverdlovsk, 1970.
39. Yuing E. T. Uchitelya epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg. — M. : Ros. polit. entsiklopediya, 2011.